

Studies in Transcendental Philosophy. 2013-2022

ISSN 2713-2668

URL - <http://transcendental.ru>

All right reserved

Issue 2 Volume 2. 2021

Some Remarks in Defense of Immanuel Kant's Theory of Experience

Balanovskiy Valentin

*Immanuel Kant Baltic Federal University
Russian Federation, Kaliningrad*

Abstract

The author attempts to answer a question of whether the fact that Immanuel Kant's theory of experience most likely has a conceptual nature decreases an importance of Kant's ideas for contemporary philosophy, because if experience is conceptual by nature, then certain problems with the search for means to verify experiential knowledge arise. In particular, two approaches are proposed. According to the first approach, the exceptional conceptuality of Kant's theory of experience may be a consequence of absence of some important chains in arguments contained in the Critique of Pure Reason, which could clarify a question of how the conceptual apparatus of the subject corresponds to the reality. The author puts a hypothesis that the missing chains are not a mistake, but Kant's deliberate silence caused by the lack of accurate scientific information that could not have been available to humankind in Enlightenment epoch. According to the second approach even if Kant's theory of experience is exclusively conceptual by nature, this cannot automatically lead to a conclusion that it is unsuitable for obtaining reliable knowledge about reality, since transcendental idealism has powerful internal tools for verifying data in the process of cognition. The central position among them is occupied by transcendental reflection.

Keywords list (en): Immanuel Kant, transcendental idealism, theory of experience, verification of experience, transcendental reflection

Date of publication: 16.11.2021

Citation link:

Valentin B. Some Remarks in Defense of Immanuel Kant's Theory of Experience // Studies in Transcendental Philosophy. – 2021. – V. 2. – Issue 2.

URL: <https://transcendental.ru/s271326680016905-5-1/> DOI: 10.18254/S271326680016905-5

1 Иногда складывается впечатление, что к философии предъявляются несколько более высокие, чем к точным и естественным наукам, требования, касающиеся доказанности

ключевых суждений. В частности, это заметно, когда рассматриваются основания тех или иных концепций или выводов. Например, аксиомы, даже неочевидные, как в теориях А. Эйнштейна, в точных и естественных науках мало у кого вызывают возражения. Однако, когда дело доходит до подобных интеллектуальных конструктов в философии, у критиков находится много вопросов, из-за которых разгораются споры, не утихающие столетиями. Не удалось избежать таких вопросов и теории опыта И. Канта.

2 Так, одним из ключевых элементов теории опытного знания в философской системе Канта является концепция трансцендентальной схемы. В какой-то степени позволительно утверждать, что именно в этой концепции кроется ответ на вопрос, как возможен опыт как достоверное основание познания. Действительно, очень трудно представить, откуда бы взялось опытное знание и насколько стоит полагаться на его адекватность объекту познания, если бы не существовало механизма, посредством которого чувственные данные подводились бы под рассудочные понятия. То есть, проще говоря, если бы не было принципа связи концептуального аппарата с действительностью. Однако, как справедливо отметила М.Е. Соболева, сложность текста «Трансцендентальной аналитики» «до сих пор не позволяет интерпретаторам прийти к согласию по поводу того, как выглядит решение» (Соболева 2018, 133), хотя несмотря на разные подходы, которые предлагают противоборствующие группы исследователей, часто напрашивается вывод, что у Канта опыт «предстаёт как система хотя и примитивных, но пропозиций» (там же), то есть концептуален по своей природе.

3 В качестве примера глубокой фрустрации от недосказанностей теории опыта Канта можно привести высказывания большого знатока и критика теоретической философии Канта Н.О. Лосского. Последний видел в невозможности отыскать указания на то, как представленный в опыте концептуальный аппарат связан с действительностью, чуть ли не главный изъян трансцендентального идеализма, догматическим предпосылкам которого он посвятил целый раздел своего ключевого труда (Лосский 1991, 107–193). Лосский подчёркивал, что согласно «Критике чистого разума» «“данные” опыта могут заключать в себе только чувственные и притом разрозненные элементы, а так как связи имеют нечувственный характер, то и это обстоятельство склоняет к мысли, что они создаются самим познающим субъектом. Отсюда у Канта на первой странице его Введения уже является на сцену предрешающее весь дальнейший ход исследования утверждение, что всякое всеобщее и необходимое знание (всякая необходимая связь) происходит не иначе как из самого познающего рассудка» (там же, 110). Лосский усматривал в текстах Канта отождествление содержания рассудка субъекта и реальности, что, наверное, в большей степени свойственно неокантианской интерпретации, чем оригиналу. Кант же старался различными путями доказать, что ничуть не сомневается в наличии объективной действительности, используя в том числе остроумные рассуждения от противного, состоящие в том, что не будь реальности, не было бы у человека и органов внешнего восприятия (Кант 2006, 225).

4 Действительно, если в том, как работает трансцендентальная схема ещё можно разобраться, то понять, на чём она основывается, достаточно проблематично, учитывая, что сам автор «Критики чистого разума» не очень старается помочь читателю. Иногда создаётся впечатление, что в этой части Кант предпочитает ограничиться интроспективно-феноменологической фиксацией функционирования когнитивных механизмов без выяснения глубинных оснований их работы. Сильно ли это умаляет значение его теории опыта и, в частности, концепции трансцендентальной схемы для философии и науки? Вряд ли.

5 Во-первых, история философии знает примеры систем, которые ограничивались феноменологическим подходом и при этом вполне эффективно решали стоящие перед ними задачи. Таковы, в частности, феноменология Гуссерля и многие её ответвления, которые неплохо справляются с вопросами теоретической и практической философии. Во-вторых, есть основания полагать, что Кант очень трезво оценивал уровень современной ему науки и считал себя вправе раскрывать не все загадки, встречающиеся на пути построения трансцендентальной философии, оставив их будущим поколениям исследователей, на что есть прямые указания в его текстах. В-третьих, существуют важные для человечества виды деятельности, где в процессе формирования суждения связь концептуального аппарата с

реальностью не только не обязательна, но даже в какой-то мере запрещена. Ниже второй и третий тезис будут рассмотрены подробнее.

6 Начать следует с того, что докритический период, судя по всему, сильно повлиял на формирование методологической основы трансцендентального идеализма. Будучи очень щепетильным в вопросе поиска оснований, Кант всё же не боялся оставлять существенные недосказанности в своих рассуждениях. В 1786 году эту свою позицию он сформулировал в небольшом, но важном для понимания его хода мыслей, труде «Что значит ориентироваться в мышлении?». Напомню, здесь Кант подчёркивает, что «некоторые *эвристические* методы мышления, видимо, всё ещё скрыты от нас в опытном применении нашего рассудка и разума» (Кант 1994д, 89). О том, что в мышлении, и, если брать шире, в психике действительно есть чему «скрываться», он очень ярко и где-то даже поэтично отмечал в «Антропологии с прагматической точки зрения», когда рассуждал об области смутных или тёмных представлений (Кант 1994г, 151–152). Таким образом, зрелый Кант прекрасно осознавал, что многие очень важные, в том числе и для понимания обоснования его теории опыта, проблемы можно будет решить только в отдалённом будущем, когда в процессе активного эмпирического применения рассудка и разума, наконец, станут доступны необходимые эвристические методы мышления. Однако это не означает, что нужно отказываться от каких-то ценных концепций, которые сложно объяснить, исходя из текущего состояния науки.

7 В качестве примера можно привести периодическую систему Д.И. Менделеева. Когда была обнародована знаменитая таблица химических элементов, многие её ячейки на тот момент были пусты. При этом, несмотря на нехватку фактических знаний, система всё равно прекрасно работала, а с течением времени, по мере накопления эмпирических данных и появления новых методов исследования, уверенность в её истинности только возрастала.

8 Похожая история сегодня происходит с теоретической философией Канта в контексте развития нейрофизиологии. Сегодня мы становимся свидетелями того, как умозрительные априори трансцендентальной философии начинают обретать плоть в изучаемых современной наукой структурах мозга. Многое говорит в пользу того, что ставка Канта на будущие поколения учёных и новые методы сыграла, а значит, есть надежда, что появится естественнонаучное обоснование трансцендентальной схемы. Так, интерес в указанном контексте представляет недавняя публикация учёных из Франции и Нидерландов. Её авторы показали, как с точки зрения современной науки время может быть внутренним принципом функционирования мозга (Reddy L., Zoefel B., Possel J.K., Peters J., Dijksterhuis D.E. et al., 2021) или, говоря языком трансцендентализма, как время может быть априорной формой внутреннего чувства. Тут следует отметить, что недавно вышла глубокая статья В.А. Бажанова (Бажанов 2021) о значении для обоснования философской системы Канта подобных исследований, которые позволяют предположить, как концептуальный аппарат на физиологическом уровне связан с действительностью и с данными, поступающими от органов перцепции.

9 Можно предположить, что Кант спокойно относился к недомолвкам и не до конца обоснованным положениям и загадкам, разгадка которых должна была стать делом науки будущего. Безусловно, его труды – это образец дотошности, которая вместе с тем не приобретает гротескную форму. Видимо, эффективной прививкой от «комплекса отличника» для Канта стало то, что его научная карьера началась с, в общем-то, провальной в научном плане работы. Сколько бы ценных зёрен не содержалось в «Мыслях об истинной оценке живых сил» (Кант 1994а), в том числе таких, которые стали основой будущих работ, по своей сути первая проба пера выдающегося ума не достигла своей первоначальной цели, только если этой целью не было ославиться так, чтобы твоё имя было на слуху. Судя по всему, этот не совсем удачный опыт научил Канта не хоронить великие идеи излишней концентрацией на неизвестных ему деталях, особенно если он в них не был силён. Это видно по тексту «Всеобщей естественной истории и теории неба» (Кант 1994б), где строгий критик может отыскать множество неточностей, с которыми с лёгкостью справился П.С. Лаплас. Но риск ошибиться в деталях не удержал Канта от опубликования этой работы, поскольку безусловным и главным её достоинством является лежащая в основе дебютная идея. Именно

в идее возможности космологии, построенной на принципах механики, состоит выдающееся значение «Всеобщей естественной истории...» для естествознания. То же самое касается трудов Канта по сейсмологии, которые, мягко говоря, не отличаются точностью и адекватностью представлений о сейсмической активности. Однако сформулированная им идея возможности построенной на законах химии и механики естественной, а не сверхъестественной сейсмологии, в совокупности с эмпирическими данными о Лиссабонском землетрясении привели к возникновению нового раздела наук о Земле.

10 В критический период творчества Кант предпочитает уже более не вдаваться в детали, если не может быть до конца уверенным в том, что обладает достаточным уровнем компетенции. В частности, это заметно по контрасту ранних рассуждений Канта о природе души, в том числе, в его лекциях по психологии, где содержатся довольно смелые и однозначные суждения о предмете и даже некое подобие нейрофизиологической исследовательской программы (Kant 1821, 189), и поздних работ, в том числе заметке, написанной по просьбе немецкого физиолога С.Т. Зёммеринга «Об органе души» (Kant 1902), где на место однозначных утверждений приходит скептическое $\square\lambda\omicron\chi\acute{\eta}$. В таком контексте отсутствие каких-то звеньев рассуждений в «Критике чистого разума», для которых в то время не хватало научных данных, выглядит закономерным явлением.

11 Переходя к рассмотрению третьего тезиса, прежде всего следует обратить внимание на то, что в философской системе Канта ключевую роль в познании играет дискурсивный рассудок, поскольку «познание всякого, по крайней мере человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное» (Кант 2006, 102). Помимо запрета на возможность существования интеллектуальной интуиции, который только в «Критике чистого разума» повторяется не менее шести раз (Кант 2006, 102, 146, 246–248, 250–251, 263–265, 269–270)¹, это также означает, что знание должно иметь концептуальную форму, поскольку оно может быть дано только как система последовательно² выводимых суждений. В противном случае есть вероятность, что содержания психики, которые представлены в отличной от понятий форме, попросту останутся нераспознанными субъектом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что некоторые исследователи склонны полагать, будто опыт в трансцендентальном идеализме концептуален по своей сути. Например, такой взгляд характерен для Н.О. Лосского, который строил критику «догматических» предпосылок теории познания Канта на предположении, согласно которому «знание возможно лишь о предметах, имманентных сознанию познающего субъекта» (Лосский 1995, 6). В такой интерпретации в трансцендентальном идеализме всё превращается, если можно так выразиться, в некую бесконечную рефлексивную игру рекурсий, в которой субъекту доступны только концептуализированные представления. При этом, как настаивает Лосский, «даже чувство и воля сводятся здесь к представлениям; то, что мы наблюдаем в своем сознании, есть, по Канту, не чувство, а представление чувства, не волевой акт, а представление волевого акта» (там же, 96).

12 Действительно, существуют немало доводов, сформулированных Г. Эллисоном (Allison 1983), У. Селларсом (Sellars 1968), Х. Гинзбур (Ginsborg 2006), А. Гриффитом (Griffith 2012) и другими исследователями, основываясь на которые с большой долей уверенности следует признать Канта концептуалистом, вплоть до того, что с позиций трансцендентального идеализма даже способность воображения может быть представлена как «дискурсивное воображение» (Соболева 2017, 89). Кратко суть аргументов интерпретаторов-концептуалистов излагается в статьях М.Е. Соболевой (Соболева 2017; Соболева 2018). Здесь же приведу заслуживающий особого внимания оригинальный довод в поддержку концептуализма Канта, сформулированный данным автором. В частности, Соболева предложила под концептуализацией «понимать не подведение созерцаний под понятия, а приведение созерцаний к понятиям, т. е. их объективацию, придание им формы объектов. Такая концептуализация осуществляется без посредничества языка – структурно-топологически. Продуктом её является объект, который благодаря категориям включается в структуру опыта, представляющего собой необходимое условие для дальнейшего дискурсивного познания» (Соболева 2018, 134). Вместе с тем такой компромиссный вариант, несколько примиряющий позиции концептуалистов и не-концептуалистов не в полной мере

снимает проблему верификации опытного знания у Канта, поскольку концептуальное понимание опыта предполагает сведение познания к обоснованию одних понятий через другие, что, наверное, хорошо для мышления, но не очень годится для познания, поскольку мышление и познание, как учит «Критика чистого разума», не есть одно и то же (Кант 2006, 137).

13 Так, ситуация, когда одни суждения получают своё обоснование через другие суждения и никак иначе, вряд ли вызовет много вопросов, когда речь идёт о математике, которая коренится в сознании и строится из элементов, не имеющих прямых коррелятов во внешней действительности, хотя пифагорейцы с этим поспорили бы. При этом никто не предлагает отказаться от математического познания только на том основании, что эта наука имеет слишком высокий уровень абстрактности. Несмотря на свою оторванность от реальных предметов, математика демонстрирует хорошие результаты на практике. И если судить о реальном положении дел в окружающем мире с её помощью проблематично, то преобразовывать реальность в том виде, как она дана человеку, математика позволяет с высокой степенью эффективности.

14 В контексте проблемы обоснования достоверности опыта большой интерес представляет пример, демонстрирующий, что существуют такие имеющие высокое практическое значение формы познания, для которых обоснование одних суждений через другие не только допустимо, но и необходимо. Речь идёт о судопроизводстве, идеальной целью которого является установление судьбоносной истины, причём как субъективной её стороны, так и объективной. Дело в том, что судебный процесс строится исключительно на обосновании одних суждений через другие. Суд никогда не имеет дела с фактами самими по себе, то есть с тем, что напрямую связано с действительностью. Такой подход зародился давно и был призван обеспечить максимальную беспристрастность и справедливость выносимых решений.

15 В частности, в российских процессуальных кодексах закреплено, что, если говорить философскими терминами, суд имеет право оперировать только особым классом фактов, представленным исключительно *сведениями* об «атомарных» фактах, имеющих значение для рассматриваемого дела. Это отражено в части 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК 2002), части 1 статьи 59 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС 2015), части 1 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК 2002). Эти сведения о фактах, собранные и зафиксированные в строго определённом законодательством порядке, суть доказательства, которые приводят стороны в обоснование своей позиции (своего суждения о сведениях о фактическом положении вещей), и на основании которых суд выносит своё окончательное решение (финальное, объективное в силу закона, суждение). Таким образом, судопроизводство строится исключительно на обосновании одних суждений через другие, и никак иначе, и поэтому имеет форму многоступенчатой рефлексивной системы, элементами которой могут стать только определённым образом отобранные и проинтерпретированные (то есть собранные в установленном законом порядке) факты. Причём если из самого атомарного факта ещё как-то можно эксплицировать условия, повлекшие его возникновение, то в доказательствах (то есть сведениях о фактах) эта связь с реальностью несколько теряется, становится менее выраженной, поэтому доказательства можно назвать пропозициями³, чистыми (или очищенными) от эмпирических и додискурсивных⁴ вкраплений. И тут снова возникает справедливый вопрос: как же тогда в судопроизводстве достигается истина, если оно характеризуется таким высоким уровнем отвлечённости используемых суждений? Как происходит верификация финального суждения?

16 На практике, понять, что что-то «не так» с финальным суждением, если при этом были соблюдены все предписанные процессуальными нормами процедуры, а также надлежащим образом собраны и представлены все имеющие значение для дела доказательства, можно в тот момент, когда объект суждения начинает «сопротивляться» неадекватному знанию о нём, сформулированному в финальном суждении. Так, в рамках судопроизводства одна из сторон, не согласная с решением, которое, по её мнению, неадекватно оценивает обстоятельства дела, начинает «сопротивляться» и пробует в

апелляционном порядке обжаловать решение суда первой инстанции, надеясь на помощь разума вышестоящей инстанции, которая, как предполагается, должна обладать более высокой квалификацией в вынесении суждений. С чем-то похожим сталкивается каждый познающий субъект, который может обратиться к более профессиональному арбитру – другому субъекту, обладающему более развитой способностью суждения. Однако в системе Канта предусмотрена ещё одна важная опция, позволяющая повышать достоверность знания – это трансцендентальная рефлексия (Кант 2006, 251–253). Это универсальный «арбитр», присущий сознанию каждого субъекта.

17 Кант определяет трансцендентальную рефлексию как «состояние души, в котором мы прежде всего пытаемся найти субъективные условия, при которых можем образовать понятия» (Кант 2006, с. 251), а также как «осознание отношения данных представлений к различным нашим источникам познания, и только благодаря ей отношение их друг к другу может быть правильно определено» (там же). В этих определениях отражены два основных смысла, в которых Кант употребляет данный термин. В первом смысле трансцендентальная рефлексия выступает в качестве основания функционирования трансцендентального единства самосознания, поскольку позволяет субъекту в некоем первоначальном акте различения провести демаркацию между Я и не-Я, миром внутренним и внешним. Во втором смысле это понятие используется для описания универсального инструмента анализа, позволяющего повысить достоверность знания. Причём инструмент этот имеет многоуровневую структуру. «Первому уровню свойственна трансцендентальная метарефлексия, благодаря которой возможно а) выявить функции души (аксиологическую, гносеологическую и праксиологическую), б) различить работу чувственности, рассудка и разума в рамках каждой из этих функций, в том числе... выявить априорные формы чувственности рассудка и разума, а также в) различить те области реального мира и мира культуры, с которыми мы имеем дело. Второму уровню соответствует трансцендентальная рефлексия, позволяющая а) определить участие чувственности, рассудка и разума в конституировании понятий, б) отнести то или иное представление к познавательной способности, к которой они принадлежат, и в) выяснить посредством трансцендентальной (содержательной) логики, насколько наши представления и понятия соответствуют действительности (предметам). Третьему уровню присуща логическая рефлексия, с помощью которой осуществляется сопоставление представлений и понятий между собой на соответствие законам общей логики, безотносительно к предметному содержанию познания» (Балановский 2011, 40–41). Как видно из приведённых определений, трансцендентальная рефлексия не позволяет в полной мере прорваться к действительности и напрямую убедиться в истинности суждений, поскольку имеет дело только с тем, что уже попало в сознание и приобрело распознаваемую им форму, но, по крайней мере, она, если субъект в процессе познания задействует её на всех указанных уровнях, предотвращает от ошибок в суждении, тем самым обеспечивает максимальную адекватность суждения своему предмету.

18 Подытоживая сказанное выше, можно прийти к выводу, что теория опыта Канта по-прежнему остаётся концепцией, хорошо защищённой от критики. Даже несмотря на то, что её с высокой степенью уверенности следует признать концептуалистской, поскольку в целом для любых дискурсивных систем сложно непротиворечивым образом помыслить теорию опыта, которая предполагает неконцептуальные основания для своего построения, в трансцендентализме Канта предусмотрены внутренние механизмы, позволяющие повышать достоверность знания до состояния его пригодности для практического использования. Причём это механизмы более сложные, чем правила формальной логики, которых было бы достаточно для философских систем рационалистов Нового времени. Главным таким инструментом, внутренне присущим сознанию каждого субъекта и обеспечивающим многоуровневый контроль правильного взаимодействия когнитивных способностей, является трансцендентальная рефлексия, которая сопровождает процесс познания на всех стадиях – от трансцендентального единства апперцепции (как готовности формировать опыт) и приведения созерцаний к понятиям до формирования суждений и построения из них системы высказываний.

19 Кроме того, на подмогу Канту приходят современные исследования в области

нейрофизиологии, которые позволяют по-новому взглянуть на трансценденталистскую теорию опыта и дополнить её недостающими элементами, описывающими, каким именно образом на физиологическом уровне наше познание соединяется с действительностью. И это является очередным доказательством того, что какие-то неточности или умолчания, вызванные нехваткой важных научных сведений о мире, не приводят к ниспровержению провидческих идей Канта.

Remarks:

1. Наверное, многие внимательные читатели «Критики чистого разума» ловили себя на том, что у содержащейся в этом труде аргументации, особенно когда речь идёт о возможности априорных синтетических суждений, трансцендентальной схеме или дедукции категорий, есть примечательная особенность. Так, Лосский чуть ли не со слабо скрываемым раздражением отмечал, что Кант предпочитает вместо доказательств повторять несколько раз некую аксиому, говоря, что она доказана, или раздаёт уверения, которые «нередко основываются сами на себе» (Лосский 1991, 110), или что его «утверждения относительно опыта суть не выводы, а основания системы» (там же, 109). Подобная реакция встречается и у зарубежных современных критиков. Так, Г. Эллисон, разбирая рассуждения Канта о синтетических априори пишет, что философ «считал спорный вопрос решённым, нежели ответил на него. Вместо того, чтобы предоставить аргументацию, он просто догматически заявляет, что синтез воображения есть выражение спонтанности мышления, что он определяет внутреннее чувство а priori в отношении его формы, и что это определение происходит в согласии с единством апперцепции» (Allison 1983, 161). Нечто похожее на пропуск в рассуждениях происходит с аргументацией против возможности интеллектуальной интуиции – частота, с которой Кант повторяет это положение, заставляет подозревать, что и здесь встречается риторический приём, согласно которому повторенное три раза – а в его случае шесть раз – начинает казаться истиной. Однако, если взять в расчёт понятие трансцендентальной рефлексии, о котором подробно говорится ниже, то тогда становится очевидным, что наличие интеллектуальной интуиции в системе Канта просто бесполезно и запрет на существование такой способности у человека можно считать аксиомой, причём довольно ясной.

2. То есть без пробелов или интуитивных скачков.

3. Можно предположить, что именно в силу это «очищенности» иногда происходит сильное расхождение атомарных фактов и доказательств, что, в свою очередь, приводит к противоречиям судебного процесса. Ведь если сторона располагает некоторыми важными атомарными фактами, но не может правильно «упаковать» их в форму принимаемых судом доказательств, то на выходе она получает не удовлетворяющее её решение. Причём, в данной ситуации суд также бессилён, поскольку даже если ему известна фактическая сторона дела, он всё равно обязан судить только исходя из предоставленных, пусть и не совсем адекватных, но сформулированных в определённом законодательством порядке, доказательств. Кант прекрасно понимал сущность этих противоречий, поэтому предлагал разделять два типа справедливости – справедливость как таковую и распределяющую справедливость в силу закона. В суде отправляется только второй тип, именно поэтому «различие между приговором суда и решением, которое вправе вынести для себя частный разум каждого, – это пункт, который ни в коем случае не может быть обойдён при исправлении судебных решений» (Кант 1994в, с. 331).

4. В смысле, который данный термин наделяет М.Е. Соболева (Соболева 2017, 89).

References:

1. Arbitrazhnyj protsessual'nyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 01.07.2021) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii. 2002. № 30. St. 3012.
2. Grazhdanskij protsessual'nyj kodeks ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 01.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii. 2002. № 46. St. 4532.
3. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federatsii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 30.04.2021) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii. 2015. № 10. St. 1391.
4. Bazhanov V.A. (2021) Chislo i kantianskaya issledovatel'skaya programma v sovremennoj nejronauke // Voprosy filosofii. № 7. S. 50–60.
5. Balanovskij V.V. Ponyatie transtsendental'noj refleksii v filosofii I. Kanta i ego primenenie k analizu gnoseologicheskikh kontseptsij Vl. S. Solov'yova i A. A. Bogdanova. Kaliningrad: dissertatsiya na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata filosofskikh nauk, 2011. 149 s.
6. Kant I. (1994a) Mysli ob istinnoj otsenke zhivykh sil // Kant I. Sobranie sochinenij v 8 t. T. 1. M.: ChORO. S. 51–82.

7. Kant I. (1994b) Vseobschaya estestvennaya istoriya i teoriya neba // Kant I. Sobranie sochinenij v 8 t. T. 1. M.: ChORO. S. 113–260.
8. Kant I. (1994v) Metafizika npravov // Kant I. Sobranie sochinenij v 8 t. T.6. M.: ChORO. S. 223–543.
9. Kant I. (1994g) Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya // Sochineniya v 8-i t. T. 7. M.: «Choro». S. 137–376.
10. Kant I. (1994d) Chto znachit orientirovat'sya v myshlenii? // Kant I. Sochineniya. V 8 t. T. 8. M.: ChORO. S. 89–105.
11. Kant I. (2006) Kritika chistogo razuma. M.: EhKSMO. 736 s.
12. Losskij N.O. (1991) Obosnovanie intuitivizma // Losskij N.O. Izbrannoe. M.: Pravda. S. 16–336.
13. Losskij N.O. (1995) Tipy mirovozzrenij // Losskij N.O. Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya. M.: Respublika. S. 3-134.
14. Soboleva M.E. (2017) Analiticheskoe kantovedenie, transtsendental'nyj idealizm i vesch' v sebe // Kantovskij sbornik. T. 36. № 4. S. 88–99.
15. Soboleva M.E. (2018) Kak chitat' Kanta, ili Kant v kontekste sovremennykh ehpistemologicheskikh diskussij v zapadnom analiticheskom kantovedenii // Voprosy filosofii. № 3. S. 129–140.
16. Allison H.E. (1983) Kant`s transcendental idealism (an interpretation and defense). London: Yale university press. 560 p.
17. Ginsborg H. (2006) Kant and the Problem of Experience // Philosophical Topics. Vol. 34. P. 59–106.
18. Griffith A. (2012) Perception and the Categories: A Conceptualist Reading of Kant`s Critique of Pure Reason // European Journal of Philosophy. Vol. 20. P. 193–222.
19. Kant I. (1902) An Samuel Thomas Soemmerring. 10. August, 1795. // Kant I. Gesammelte Schriften / Hrsg. von der koniglich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XII. Berlin: Verlag von G. Reimer. S. 30–35.
20. Kant I. (1821) Vorlesungen über die Metaphysik: Nebst einer Einleitung, welche eine kurze Übersicht der wichtigsten Veränderungen der Metaphysik seit Kant enthält / Hrsg. von K.H.L. Pölit. Erfurt: Recherschen Buchhandlung.
21. Reddy L., Zoefel B., Possel J.K., Peters J., Dijksterhuis D.E. et al.. (2021) Human Hippocampal Neurons Track Moments in a Sequence of Events // Journal of Neuroscience. 41 (31). P. 6714–6725; DOI: 10.1523/JNEUROSCI.3157-20.2021.
22. Sellars W. (1968) Science and Metaphysics: Variations on Kantian Themes. London: Routledge & Kegan Paul.

Несколько замечаний в защиту теории опыта Иммануила Канта

Балановский Валентин Валентинович

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Российская Федерация, Калининград*

Аннотация

В статье делается попытка дать ответ на вопрос, умаляет ли значение теории опытного знания И. Канта для современной философии тот факт, что с высокой степенью уверенности следует признать её концептуальный характер, и это порождает определённые проблемы с поиском средств, позволяющих верифицировать опытное знание и повысить его достоверность. В частности, предлагаются два подхода. Первый подход предполагает, что исключительная концептуальность теории опыта Канта может быть следствием отсутствия некоторых важных звеньев в содержащихся в «Критике чистого разума» рассуждениях, которые могли бы в полной мере прояснить вопрос, каким именно образом концептуальный аппарат субъекта корреспондирует с действительностью. Выдвигается гипотеза, что отсутствующие звенья являются не недомыслием Канта, а сознательным умолчанием, вызванным нехваткой точных научных сведений, которые не могли быть доступны человечеству в эпоху Просвещения. Второй подход предполагает, что даже если теория опыта Канта имеет исключительно концептуальный характер, это не может автоматически приводить к выводу о её непригодности для получения достоверного знания о действительности, так как система трансцендентального идеализма имеет внутренние мощные инструменты верификации данных в процессе познания. Центральное положение среди них занимает трансцендентальная рефлексия.

Ключевые слова: Иммануил Кант, трансцендентальный идеализм, теория опыта, верификация опыта, трансцендентальная рефлексия

Дата публикации: 16.11.2021

Ссылка для цитирования:

Балановский В. В. Несколько замечаний в защиту теории опыта Иммануила Канта // Трансцендентальный журнал. – 2021. – Т. 2. – Выпуск 2.
URL: <https://transcendental.ru/s271326680016905-5-1/> DOI: 10.18254/S271326680016905-5